

Образ богатыря в башкирской народной сказке

Гульнур Равиловна Хусаинова

(Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
РАН: Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, д.71)

Аннотация. В статье рассматривается образ богатыря в башкирской народной сказке. В 1970-е гг. этому образу было уделено внимание в сказковедческих работах М. Х. Мингажетдинова и Н. Т. Зарипова, но проведение специального исследования остается актуальным, тем более что в последние годы появились новые источники. Материалом для работы над статьей послужило собрание башкирских богатырских сказок, опубликованных в 1990 г. отдельной книгой. Почти все они ранее были переведены на русский язык и увидели свет в серии «Башкирское народное творчество. Богатырские сказки» в 1988 г. Автор отмечает близость богатырских сказок с героическим эпосом, которая проявляется в общих местах, силе богатыря и его героических деяниях, а также в его борьбе с мифическими существами, такими как дэв (змея) и аждаха (дракон), за интересы народа. Центральные герои богатырских сказок — батыры, как правило, однотипны. Их биография начинается с чудесного рождения, характерного для древних героев сказки. Чаще всего встречается непорочное зачатие, реже — выпрашивание ребенка бездетной парой у Аллаха с помощью жертвоприношения. Этот мотив получил распространение в эпосе и сказках тюркоязычных народов под влиянием ислама. Сравнение видов чудесного рождения в башкирской сказке с выделенными В. Я. Проппом формами зачатия ребенка показало их близкое сходство. В башкирских сказках отмечены следующие отличия: богатырь рождается из камня, делается из теста, будущие родители в течение года поочередно носят в руке куриное яйцо, затем съедают, разделив пополам. Далее в башкирской сказке рассказывается о богатырском детстве, способах добывания коня и оружия, расправе с мифическими существами и достижении богатырем цели. Описание внешности богатыря чаще отсутствует. Вскользь упоминаются девы-богатыриши, образы которых только эпизодически мелькают в предбрачных состязаниях, и встречные богатыри-великаны, такие как Тау-батыр (Богатырь-Гора), Имян-батыр (Дуб-батыр) и др. Изучение образа богатыря башкирской богатырской сказки выявлено его национальную специфику в конкретном художественном выражении.

Ключевые слова: сказка, народная, образ, богатырь, башкирская.

Дата поступления статьи: 23 мая 2025 г.

Дата публикации: 25 сентября 2025 г.

Для цитирования: Хусаинова Г. Р. Образ богатыря в башкирской народной сказке // Традиционная культура. 2025. Т. 26. № 3. С. 61–70.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.3.008>

В башкирском языке слова «богатырь» и «батыр» синонимичны, обозначают наличие у героя огромной физической силы, крепкого телосложения и большого роста. Тем не менее в Башкирско-русском словаре у слова «батыр» много значений: богатырь, храбрец; герой *яу батырзары* — герои битвы — в значении существительного; храбрый, смелый, отважный *батыр кеше* — смелый человек; *батыр һалдат* — отважный солдат; *батыр һугышсы* — храбрый воин; *батыр йөрәкле* — бесстрашный — в значении прилагательного. В истории: батыр — предводитель, прославившийся своей храбростью или военным искусством *Салауат батыр* — батыр Салават. Есть также значение: батыр борец-победитель в состязаниях на сабантуе *көрәш батыры* — победитель в борьбе; *майзан батыры* — борец на арене.

В тюрко-монгольском мире существуют и другие значения слова «батыр» (бахадур, багатур) — это почетный титул, который давался за военные заслуги и присоединялся к имени. По Советской исторической энциклопедии «батыр» (тюрк. — богатырь, силач, храбрец) — звание, которое приобреталось личными подвигами в военных походах. В литературе некоторых народов СССР батырами называли героев Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [СИЭ 1962, 168], в наше время батырами называют и участников СВО. Есть еще нарицательное значение слова «батыр» — это высокие тяжеловесы, т. е. те, кто обладает большой физической силой и отвагой. Исходя из вышеизложенного, батыр и богатырь являются синонимами. В башкирском языке есть еще и такие синонимы слова «батыр»: *баһадир, бәһлеуән, али*, — используемые по отношению к мужчине богатырского телосложения, сильного, меткого. В башкирском фольклоре батыр — герой эпических произведений и богатырских сказок, песен и легенд. В представлении народа батыр — идеальный герой, наделенный не только могучей силой, но и мудростью, добротой, готовностью защитить свою родину. В фольк-

лорных произведениях башкирский батыр нередко соревнуется со своими соперниками в борьбе, скачках, стрельбе из лука, и побеждают в этих соревнованиях только справедливые и честные батыры.

В данной статье будет рассматриваться образ богатыря в башкирской народной богатырской сказке, занимающей большое место в устном народном творчестве народа и «отличающейся от волшебных сказок близостью по содержанию и стилю к героическому эпосу» [Зарипов 1978, 3] или, по Н. К. Дмитриеву, характеризующейся как «переходный жанр от героических сказаний к волшебным», в которых наблюдается «снижение богатырско-эпического стиля» и «от “героического стиля” в сказках сохранилось <...> только имя героя» [Дмитриев 1941, 20–21].

В русском фольклоре герой сказок богатырского типа — младший сын Иван-царевич, он «отличается от старших братьев смелостью, геройством, благодаря которым достигает цели» [Мелетинский 2005, 119–120], «совершает различные подвиги (побеждает кощея и отправляется за его смертью, побеждает змея, на сером волке добывает жар-птицу, коня и девицу, сражается с войском бабы-яги, женится на Елене Прекрасной); это тип сильного и смелого богатыря» [Кравцов, Лазутин 1983, 110]. В башкирском фольклоре «борьба составляет основное занятие сказочных богатырей» и «любимой формой борьбы является поединок в форме рукопашной схватки» [Дмитриев 1941, 21–22]. Могучий батыр башкирской сказки, по имени которого она обычно называется, рождается, подобно эпическому герою, для великих дел и совершает исключительные подвиги: например, вступает в единоборство с аждахой (драконом) и, убив его, возвращает людям источник воды; освобождает девушек вместе с царевной, обреченных на съедение аждахе, и т. д. Башкирские исследователи верно заметили, что батыры башкирских сказок своей необычной силой напоминают эпических героев и, пренебрегая опасностями, вступают в схватку с аждахой; сказочного батыра,

как и героя эпоса, вдохновляет любовь к родине [Зарипов 1978, 9; Мингажетдинов 2024, 15]. В образе богатыря воплощается идеал героического, поэтому одни и те же подвиги приписываются как башкирским богатырям Акъялу и Юлбату, Волчьему сыну Сынтимеру и Алтындуге, Камыр-батыру и Маленькому Якубу, так и русским сказочным героям — Ивану-царевичу и Ивану — крестьянскому сыну, Незнайке, Покатигорошку и Андрею Стрельцу [Зарипов 1978, 10].

Наиболее древние герои — богатыри чудесного рождения. «В фольклоре положительные герои только рождаются (например, чудесным образом), но никогда не умирают» [Пропп 1998, 142]. В специальной статье В. Я. Проппа выделены следующие формы зачатия ребенка: от съеденного гороха, наговоренного яблока, реже — от наговора, поедания рыбы (у многих народов они символизируют плодovitость, избыток и многодетность), от выпитой воды (вода связана с рыбой; если дурак вызывает беременность у царевны заклинанием, то он делает это именем щуки; мотив рождения от съеденной рыбы представляет собой частный случай мотива съедения предка в целях его возрождения); рождение из печки (сиденье в пепле свидетельствует о некой вековой связи Ивана с печью; когда дитя выходит из печки, из золы, то печь играет роль материнского начала); сделанные люди (в сказке родители делают себе детей из глины или дерева); мальчик рождается от отрубленного пальца. В этом же ряду В. Я. Пропп рассматривает мотив быстрого роста героя, тесно связанного с чудесным рождением (герой этот растет «не по годам, не по дням, а по часам, по минутам»), и, по его мнению, герой, умерший взрослым, взрослым же и возвращается, хотя он рождается в виде ребенка, так как женщина не может родить взрослого, а родившись, он мгновенно превращается во взрослого [Там же, 65–104].

В башкирских богатырских сказках идеализация образа батыра начинается с эпизода его рождения. Именно мотив чудесного рождения героя в башкирских

богатырских сказках представлен в многообразии и рассмотрен в специальных статьях М. Х. Мингажетдинова (1962), Н. Т. Зарипова (1978), Р. З. Зинуровой (2011); отмечены примеры чудесного рождения героя в волшебного-героических сказках [Хусаинова 2014, 81].

Существовало мнение, что в башкирских богатырских сказках нет мотивов вымаливания сына у бога [Мингажетдинов 2024, 19]. По нашим наблюдениям, такой мотив имел место, в частности, в сказках «Янгызак-батыр»: *«Илай-илай, алланан бала һорагандар»* (Со слезами на глазах просили они у Аллаха детей); «Сыновья Бугар-хана»: *«егеттең инәһе Алланан һорай икән: “Тағы ла бер ул бир һин миңә. Һис бер ергә ебәрмәһ инем, — тин”*» (Мать Йыхангиза стала молить Аллаха: «Даруй нам, Аллах, еще одного сына, чтобы был утешением на старости лет») [Йәшәгән, ти, батырзар 1990, 50, 119]. Согласно М. Х. Мингажетдинову, традиционными в башкирской сказке были мотивы чудесного рождения и чудесного превращения животных и неодушевленных предметов в человека. Он сосредоточивает свое внимание именно на этом. Так, кровно-родственную связь с животным миром он обнаруживает в сказке «Бузансы-батыр», где герой рождается от серой лошади, а через три дня неожиданно превращается в мальчика — будущего героя, и подчеркивает, что данная сказка — «единственное в башкирском фольклоре произведение, где чудесный конь выступает как предок человека, кровный его родственник» [Мингажетдинов 2024, 21]. Еще в одной сказке батыр рождается от старухи с ниспадающей до колен белой лошадиной гривой, за что и получает имя Акъял (Белогривый), хотя прямой кровно-родственной связи батыра с животными миром в ней нет, есть детали, связанные с древними тотемными обычаями башкир. Как отмечает исследователь: «Признак чудесного животного происхождения батыра — “белая грива” насыщен древними мифологическими и эпическими мотивами» [Там же, 22]. Далее он подчеркивает тотемное

происхождение героя сказки «Аюголак» и пишет, что башкирские роды и родовые подразделения носили тотемистическое название «Айыу» (медведь) [Там же, 29]. Древность мотива рождения богатыря от брачной связи человека с животным отмечают и другие исследователи [Алиева 1986, 63]. В одной башкирской сказке ребенок рождается оттого, что однажды птица пролетела, задев подъем ноги старухи [Хусаинова 2000, 104]. Надо полагать, в данном случае тоже налицо родственная связь с птицей-тотемом, но не брачная.

В сказках «Икмакбай» и «Камыр-батыр» герой и его брат сделаны из теста, тогда как в русских — из глины и дерева. О том, что старуха вылепила из теста две человеческие фигурки и что они ожили, старик узнает от рыбы, которая сама захотела быть съеденной сыновьями старика. Когда последний решил бросить рыбку в море, рыба промолвила человеческим голосом: «Старик, возьми меня, накорми моим мясом своих сыновей, напои моей кровью своих коней, а косточки мои отдай собакам». И чудесное превращение человеческих фигурок, сделанных из теста старухой, в богатырей происходит под магическим воздействием говорящей на человеческом языке рыбы, выловленной стариком из бездонного моря, что М. Х. Мингажетдинов связывает с существованием у древних башкир тотемов рыбы и башкирского рода Балыксы (рожденных от рыб), который в XVI–XVII вв. входил в Таныпское объединение родов. Кровно-родственную связь с животным миром видит автор в сказочном батыре Акъеляке (Белая ягода), рожденном от капли крови черной коровы, упавшей на крышу дома, и отмечает древний культ коровы-предка. Имя батыра он связывает со сказочным отражением образования нового рода или родового подразделения, своим происхождением связанного с тотемистическим родом или племенем [Мингажетдинов 2024, 24–25, 29].

Н. Т. Зарипов в своем исследовании охватывает почти все виды чудесного зачатия в башкирской народной сказке.

Среди них самый архаический — происхождение богатыря из неживой природы: из расщелины скалы, по которой старик ударил топором, появился на свет Алп-батыр, — и он не одинок в мировом фольклоре по своему скальному происхождению. Исследователь обнаружил типологическое соответствие в древнейших мифах и героических сказаниях, в частности, в балкарском и карачаевском сказаниях о рождении нарта Сосруко из камня, к которому прислонился пастух Соджук. Из скалы родился и малоазиатский солнечный бог по имени Петрогенес [Зарипов 2008, 62–63]. Встречается также рождение от животного (медведь, волк, бык, сивая кобыла); от капель крови черной коровы; от зерна ячменя, проглоченного старухой; из колена матери-старушки; из теста, из которого старуха лепит сразу двух мальчиков и кладет в сундук (данный мотив чудесного рождения, по В. Я. Проппу, связан с мифами о создании первых людей [Пропп 2007, 100]).

Автор, как и его предшественники, с чудесным рождением связывает быстрый рост героя и богатырское детство: «...эпическое детство есть особое проявление необычайного могущества героя, обусловленное животным или иным чудесным происхождением героя, оно необходимо в прологе сказки как убедительная предпосылка последующих богатырских подвигов» [Зарипов 1978, 7]. Не отмечено Н. Т. Зариповым рождение ребенка от отрубленного пальца. Этот мотив тоже встречается в башкирской народной сказке [Хусаинова 2000, 96]. Время рождения батыра — самое отдаленное («давным-давно»), а место рождения не указывается, за исключением двух богатырских сказок: «Урал таузарының кеше аягы басмаган бер ере» (одно место Уральских гор, куда не ступала нога человека), «Агизел буйында» (на берегу реки Агидель) [Йәшәгән, ти, батырзар 1990, 61, 28]. Необходимо отметить тот факт, что названия большинства богатырских сказок состоят из имени героя со словом «батыр»: «Таз-батыр», «Умурзак-батыр», «Арпа-батыр», «Акъял-батыр», — что

подчеркивает их богатырство, или в имени заключен смысл богатырства: Кагарман (отважный), Алп (исполин), Мэргэн (меткий) и т. д., — а «основные его признаки — чудесное происхождение и богатырская сила» [Алиева 1986, 63]. Исследованию имен персонажей башкирских богатырских сказок посвящена статья башкирского языковеда Г. Н. Ягафаровой, по мнению которой «очевидна смысловая нагрузка имени как характеризующего персонаж элемента описания» [Ягафарова 2019, 60].

Следующим ключевым моментом в сюжете богатырских сказок является быстрый рост героя, обозначенный формулами «*көн үсәһен сәгәт үсә, йыл үсәһен ай үсә*» (за час растет, как за день, за месяц растет, как за год); «*йыл үсәһен бер көндә үскән*» (за день вырос, как за год); «*ай үсәһен көн үскән*» (за день рос, как за месяц), «*бер көн эсендә бер йыллык үскән*» (за день вырос, как за год) [Йәшәгән, ти, батырзар 1990, 31, 41, 50, 61, 182]. Уже в детстве он проявляет неимоверную физическую силу и смекалку: «*Айыуғолак имән ороһонан туп, имән ботагынан сәкән яһап алып, ауылдың бер осонан һуғып ебәргән икән, туп шунда уйнап йөрөгән малайзарзың баштарын өзөп, өйзәрзе емереп, ауылдың икенсе осона сығып киткән*» (Аюголак клюшкой из дуба отбивает шар, перебив головы мальчиков, игравших на улице, разрушив дома, и шар падает в другом конце деревни); «*малайзар бик бәһлеүән булып үсәләр. 4–5 йәштәрәндә урамдағы оло кешеләрзе тәгәрәтә һуғалар за куялар. Бала-сағаларзы үлтерә һуккан сак тары ла булғылай*» (мальчики растут здоровыми. В 4–5 лет от их удара взрослый человек на ногах не мог устоять. Порой от их удара дети умирали); «*ете йәшендә батыр булып етешкән, айыуға ла, бүрегә лә бирешмәгән. Атаһына булышып, кош, йәнлек һунарына йөрөгән*» (семилетний Акъял стал батыром, не поддавался ни медведю, ни волку и вместе с отцом ходил на охоту на птиц, на зверей); «*биш йәшендә үк инде зурайып еткән, үзе бик көслә кыйыу булған*» (в пять лет стал взрослым, очень сильным и сильным)

[Там же, 174, 98, 61, 194] и т. д. Из перечисленных выше примеров наиболее пространственным является второй — от богатыря дети получали увечье, когда вместе играли.

Возмужание батыра тесно связано с добыванием им волшебного коня (*толпара*) и такого оружия, как *сукмар* (палица), *алмас кылыс* (алмазная шашка, сабля), *ук-һазак* (лук и стрелы). Мотивы добычи чудесного коня, собаки и оружия имеют место в богатырской сказке, предшествуя эпизоду схватки батыра с врагом, но не получили такого развития, как в башкирском героическом эпосе. Так, в сказке «Кагарман-батыр» у него был конь, который «*бер атлаганда өс көнлөк юлды үтер булған*» (за один шаг он преодолевал трехдневный путь); «*алтын балыктың башын ашаған бейә колон килтерә*» (родился в один день с богатырем от съеденной головы рыбы), а в сказках «Гайнизар и Етемьяр», «Тимерхан» и др. богатырь выбирает себе коня в табуне традиционным способом: «*корогон кылтыратып, йүгәннен шылтыратып*» (потрясав куруком, позвеневав уздечкой) [Там же, 38, 97, 113, 199]. В связи с ростом роли коня в повседневной жизни и в военном деле в мифологии башкир формировался новый тип сверхъестественных коней — *тулпары*, сочетающих в себе черты как тотемических коней, так и реальных боевых спутников батыров. Особенности, которые первоначально мыслились как присущие лишь тотемным животным, были перенесены на богатырских коней сказочных героев. Что касается оружия богатыря, то оно делалось на заказ: «*Арпа батыр үзенә суйындан мең ботлок сукмар койорға куша*» (Арпа-батыр просит отлить ему из чугуна палицу в тысячу пудов) [Там же, 54]. Камыр-батыр, как и герой восточнославянских сказок, просит отца сделать ему «*миңә ун биш бот суйындан сукмар койзор, унан да ауырырак итеп кылыс һуктыр*» (чугунную палицу из 15 пудов и шашку потяжелей). Присутствует в сказках и мотив испытания такого оружия: «*Камыр батыр коралдарын һынамак булып, бер яланга сыккан. Шунан*

15 ботлок сукмарзы шундай итеп күккә соргап ебәргән, сукмар хатта күзән югалган. Байтак вакыттан һуң төшөп килгәнә күрәнгәс, Камыр батыр уның астына үзенең ялангас башын куйган. Сукмар бының башына бәрелеп, селпәрәмә ватылган да тирә-якка сәсрәгән» (Камыр-батыр, желая испытать качество оружия, вышел на поляну, метнул палицу с такой силой, что та пропала из глаз. Когда палица показалась на обратном пути, Камыр-батыр подставил под нее обнаженную голову. Та, ударившись, разлетелась), т. е. оружие не выдержало испытания. Тогда «Камыр батыр тагы ла ауырырак итеп, икенсе сукмар койзортон алган. Баягыса һынап карагас, быныңын ярарлык тип тапкан» (Камыр-батыр заказал себе новую палицу, потяжелей. Испытав и эту, он остался доволен) [Там же, 109].

Богатырь бывает и с двумя сердцами: «ак беләү таиш» (белый брусочек), как у Акъял-батыра, «уң итегенең табанында ак кулъяулыкка уралган кызыл һаплы бәке — икенсе йөрәге» (в правом сапоге под стелькой нож с красной рукоятью, в белый платок завернутый, — второе сердце) у Биктимера или с душой вне тела «ишек төбө сөйзә бер кылыс элеүле торор, шул һинең йәнең» (на гвозде у двери висит меч, это и есть твоя душа), как у Алтын-дуги, «йәне балдагында» (душа в перстне), как у Киньябулата» и т. д. [Там же, 79, 362, 251, 215].

В некоторых башкирских богатырских сказках встречается описание богатыря: «Егет бик килбәтле, үзе бик мөһабәт, зур кәүзәле икән. Бармактары беләктәй, ти. Беләктәре бүрәнәләй, аяктары кәмәләй, яурыны яландай киң, кәүзәһе имәндәй нык, ти» (Егет был ладный, сам очень большой, высокого роста. Пальцы у него были, как локти. Локти были, как бревна, ноги, как лодка, плечи широкие, как поле, тело крепкое, как дуб); подчеркивается его аппетит: «бер ашаганда бер бейә ашар, бер эскәндә бер бизрә һыу эсер, бер йоклаганда биш көн йоклар батыр булды» (за один раз он съедал мясо одной кобылы,пил ведро воды, спал пять дней подряд) [Там же, 63, 29]. Богатырский сон батыра наблюда-

ется почти во всех богатырских сказках башкир. Встречаются в сказках редкие примеры о физической мощи богатыря: «Имрәк тын алганда батшаның ярандары, йүгереп барып, уның танау эсенә инеп китәләр, тын сыгарганда, йүгерешеп килеп сыгалар, ти» (Когда Имрак дышит, соратников царя вдыхает в нос, когда он выдыхает, те выбегают из его носа) [Там же, 42].

Богатырь башкирской сказки совершает подвиги ради людей, изнемогающих без воды. Возвращение батыром воды людям — распространенный эпизод в сказках как башкир, так других народов, и это наиболее распространенный вид цели, ради которой батыр идет на подвиг: «Ауылдың зур ғына йылғаһы бар за, һыу аждаһа кулында», — тизәр» («Около деревни течет полноводная река, но ею завладел аждаха», — говорят) [Там же, 145, 61, 205, 213]. Но могут быть и другие, например, во имя спасения царевны, отданной на съедение аждахе: «Аждаһаның кәүзәһен тураклап, тугыз ергә тугыз әрзәнә итеп өйә» (рубит тело аждахи и в девяти местах складывает их как девять поленищ дров) [Там же, 145, 101].

Ход схватки богатыря с противником (это дэв, дракон, змей) подробно не описывается, только основные действия богатыря и их результаты: «Каһарман батыр йозрого менән бер тондорган икән, дейеү үлгән дә куйган» (Кагарман-батыр стукнул кулаком, и дэв умер); «Ташбаиш батыр һауага бырағытып ебәрә тегене, бәһлеүән көлгә әйләнеп килеп төшә» (Ташбаш-батыр кинул противника в небо, тот упал, превратившись в пепел); «Солтанбай ергә тегене ергә шундай итеп һуга, теге ер астына инеп китә» (Султанбай так ударил его об землю, что он сквозь землю провалился) [Там же, 40, 47, 51, 49].

Предбрачное единоборство юного батыра с девушкой-богатыршей также имеет место в башкирских богатырских сказках: «Кыз батша батырзарзың батыры икән. Ул: “Әгәр зә көрәшмә миңә сыга алган батыр булһа, мин шул батырға кейәүгә сыгам”, — ти» (Девушка-царица обладала богатырской силой. Она объявила:

«Если кто-нибудь из батыров в единоборстве осилит меня, я выйду за него замуж») [Там же, 30, 73].

Картина образа богатыря башкирской народной сказки не будет полной без мифических богатырей — спутников героя, которые встречаются во многих текстах сказок. Их имена варьируются, но функции сохраняются: *Гыңараяк* (Одноногий), *Елкууар* (Ветрогон), *Сатан йүгерек* (Бегун на одной ноге), *Ертыңлар* (Землеслук), *Күккәкара* (Смотрящий в небо), *Кулуртлар* (вбирающий в рот целое озеро воды), *Гыууртлар* (Водоглот), *Аткыс* (Стрелок), *Уғатар-батыр* (Из лука стреляющий батыр), *Тау-батыр* (Богатырь-гора), переворачивающий и переставляющий огромные горы; *Урман-батыр* (Лесной богатырь) *Имән-батыр* (Дуб-богатырь) вырывали с корнями деревья и переносили их в другое место, а *Бура-батыр* (Сруб-батыр) вырубал лес, строил срубы и переносил их с места на место [Там же, 62, 158, 176, 166, 187, 231, 232, 242]. Перечисленные чудесные богатыри — спутники героя помогают последнему выполнять трудные задания для достижения цели (получить царевну, коня, золотую птицу и т. п.). Здесь нельзя не согласиться с утверждением Н. В. Новикова о том, что «это исполины, в образе которых нельзя не видеть олицетворение могучих и величественных сил и явлений природы» [Новиков 1974, 147].

Итак, в башкирской богатырской сказке батыр (богатырь) занимает центральное место и является идеализированным героем. Он крепкого телосложения, сильный, меткий, отважный и решительный; защитник народа, готовый на все ради блага людей. В сказке биография богатыря начинается с его чудесного рождения. У него богатырское детство, т. е. когда он

выходит играть на улицу, нечаянно ломает руки, ноги, пробивает голову сверстникам из-за неимоверной силы; при выборе коня и оружия также происходят разные приключения: конь не выдерживает даже веса руки богатыря, оружие, которое ему достается, для него как игрушка, поэтому все делается для богатыря по заказу. Иногда в сказке дается описание частей тела героя, свидетельствующее о его богатырстве. Поступки героя богатырской сказки связаны с народными представлениями о высоком гражданском долге, заботой о народе. Борьба или схватка героя происходит с мифическими противниками, которых он разрубает и из их тел складывает гору. Сила и мощь богатыря проявляется и в том, что от его удара противник проваливается сквозь землю или превращается в пепел.

Редко, но встречаются в башкирских богатырских сказках девы-богатырши, устраивающие состязания с условием выйти замуж за победителя, которым оказывается герой сказки.

Закрывают ряд богатырей народной сказки башкир мифические богатыри — спутники героя: Бегун, который состязается в беге с противоположной стороной; Слухач, услышавший храп заснувшего Бегуна; Стрелок, разбудивший последнего стрельбой из лука; Водоглот, спасший своих спутников в раскаленной бане. Все они являются физически очень сильными богатырями.

В традиции башкирской богатырской сказки наблюдается явно выраженное отражение эпической традиции, о чем свидетельствуют общие мотивы, поэтические формулы и т. д. Общие в идейно-эстетической сущности, они имеют и довольно выраженную национальную специфику в конкретном художественном выражении.

Источники и материалы

Йәшәгән, ти, батырҙар 1990 — Йәшәгән, ти, батырҙар: Башҡорт халыҡ әкиәттәре [Жили, говорят, богатыри: Башкирские народные сказки] / Сост., авт. вступ. ст., прим. Н. Т. Зарипов. Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1990.

Кравцов, Лазутин 1983 — Кравцов Н. И., Лазутин С. Г. Русское устное народное творчество: Учебник для филол. спец. ун-тов. 2-е изд. испр. и доп. М.: Высшая школа, 1983.

СИЭ 1962 — Советская историческая энциклопедия / Гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Гос. науч. изд-во «Советская энциклопедия», 1962. Т. 2. С. 168.

Исследования

Алиева 1986 — Алиева А. И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986.

Дмитриев 1941 — Дмитриев Н. К. Введение // Башкирские народные сказки / Зап. и пер. А. Г. Бессонова; Ред., введ. и прим. проф. Н. К. Дмитриева. Уфа: Башгосиздат, 1941. С. 3–29.

Зарипов 1978 — Зарипов Н. Т. Герой башкирских богатырских сказок, его враги и помощники // Вопросы башкирской фольклористики / Под ред. Л. Г. Барага, Н. Т. Зарипова. Уфа: БФАН СССР, 1978. С. 3–19.

Зарипов 2008 — Зарипов Н. Т. Башкирские богатырские сказки: эстетика жанра. Уфа: Гилем, 2008.

Зинурова 2011 — Зинурова Р. Р. Мотив чудесного рождения в башкирской богатырской сказке // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. № 11 (226). Вып. 53. С. 52–55.

Мелетинский 2005 — Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М.; СПб.: Академия исследований культуры: Традиция, 2005.

Мингажетдинов 2024 — Мингажетдинов М. Х. Мотив чудесного рождения героя в башкирских богатырских сказках // Проблемы

башкирского сказковедения: Сб. ст. / Сост., авт. вступ. ст. Г. Р. Хусаинова, И. Р. Шарапова. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2024. С. 15–34.

Новиков 1974 — Новиков Н. В. Образы восточнославянской сказки. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974.

Пропп 1998 — Пропп В. Я. Поэтика фольклора: (Сб. тр. В. Я. Проппа) / Сост., предисл. и коммент. А. Н. Мартыновой. М.: Лабиринт, 1998.

Пропп 2000 — Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / Науч. ред., текстол. коммент. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2000.

Пропп 2007 — Пропп В. Я. Мотив чудесного рождения // Сказка. Эпос. Песня / Изд. подгот. В. Ф. Шевченко. М.: Лабиринт, 2007. С. 65–104.

Хусаинова 2000 — Хусаинова Г. Р. Поэтика башкирских народных волшебных сказок. М.: Наука, 2000.

Хусаинова 2014 — Хусаинова Г. Р. Башкирские волшебные сказки: поэтика и текстология. Уфа: Гилем: Башк. энцикл., 2014.

Ягафарова 2019 — Ягафарова Г. Н. Имена персонажей башкирских богатырских сказок // Башкирский фольклор: исследования и материалы / Сост., отв. ред. Г. Р. Хусаинова. Уфа: Гилем, 2019. С. 55–68.

© Г. Р. Хусаинова, 2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Хусаинова Г. Р. <https://orcid.org/0000-0002-0290-1844>

Доктор филологических наук, руководитель отдела фольклора Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН: Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, д. 71; тел.: +7 (347) 272-85-22; e-mail: bashfolk@yandex.ru

The Image of the Hero in the Bashkir Folk Tale

Gulnur R. Khusainova

(Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences:
71, Oktyabr av., Ufa, 450054, Russian Federation)

Summary. This article examines the image of the hero of the Bashkir folk tale. M. H. Mingazhetdinov and N. T. Zaripov touched on this topic in their research on fairy tales in the 1970s but there have been no articles dedicated to it, although since then new sources have appeared. This study examines the hero of the Bashkir folk tale from different angles, starting with the semantics of the word “hero,” which turns out to be extensive. It then considers the hero’s path to victory and achieving his goals. The analysis is based on the book of Bashkir heroic tales published in 1990. Almost all of the tales had been translated into Russian and were published in the series “Bashkir Folk Art. Heroic tales” in 1988.

The author notes the closeness of bogatyr tales to the heroic epic, which is manifested in commonplaces, the strength of the bogatyr and his heroic deeds, as well as in his struggle with mythical creatures such as dev (serpent) and azhdaha (dragon). The central character of heroic tales are “batyrs,” who cannot be distinguished from one another; as a rule, they are the same type as in all fairy tales. The batyr’s biography begins with a miraculous birth, a characteristic of ancient fairytale heroes. The most common type is immaculate conception; less often, a childless couple begs for child by sacrificing to Allah, a motif that became widespread in epics and fairy tales of Islamic Turkic-speaking peoples. A comparison of miraculous conception in Bashkir fairy tales with those identified by V. J. Propp reveals their close similarity. In Bashkir fairy tales the following differences are noted: a hero may be born from a stone; made of dough; or granted to a childless couple after they alternate carrying a hen’s egg for a year and then each eat half of it. Further, the Bashkir tale recounts the hero’s childhood; acquisition of a horse and weapons; fighting mythical creatures; and achieving success. The article also touches on heroic maidens who occasionally appear, as well as heroic giants like Tau-batyr (Bogatyr-Gora) and Imyan-batyr (Dub-Batyr). The hero of Bashkir heroic tales manifests national specificity via a particular mode of artistic expression.

Key words: fairy tale, folk, image, hero, Bashkir.

Received: May 23, 2025.

Date of publication: September 25, 2025.

For citation: Khusainova G. R. The Image of the Hero in the Bashkir Folk Tale. *Traditional Culture*. 2025. Vol. 26. No. 3. Pp. 61–70. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.3.008>

References

Alieva A. I. (1986) *Poetika i stil’ volshebnykh skazok adygsikh narodov* [The Poetics and Style of Fairy Tales of the Adyghe Peoples]. Moscow: Nauka. In Russian.

Dmitriev N. K. (1941) *Vvedenie* [Introduction]. In: *Bashkirskie narodnye skazki* [Bashkir Folk Tales]. Trans. A.G. Bessonov, ed., intro. and notes by N. K. Dmitriev. Ufa: Bashkosizdat. Pp. 3–29. In Russian.

Khusainova G. R. (2000) *Poetika bashkirskikh narodnykh volshebnykh skazok* [The Poetics of Bashkir Fairy Tales]. Moscow: Nauka. In Russian.

Khusainova G. R. (2014) *Bashkirskie volshebnye skazki: poetika i tekstologiya* [Bashkir Fairy Tales: Poetics and Textology]. Ufa: Gilem: Bashk. entsikl. In Russian.

Meletinsky E. M. (2005) *Geroi volshebnoi skazki* [The Hero of a Fairy Tale]. Moscow; St. Petersburg: Akademiya issledovanmi Kul’tury: Traditsiya. In Russian.

Mingazhetdinov M. Kh. (2024) *Motiv chudesnogo rozhdeniya geroya v bashkirskikh bogatyrskikh skazkakh* [The Motif of the Miraculous Birth of a Hero in Bashkir Heroic Tales]. In: *Problemy bashkirskogo skazkovedeniya* [Problems of Bashkir Fairytale Studies: A Collection of Articles]. Comp., intro., G. R. Khusainova, I. R. Sharapova. Ufa: IYYAL UFITS RAN. Pp. 15–34. In Russian.

Novikov N. V. (1974) *Obrazy vostochno-slavyanskoi skazki* [Images of the East Slavic Fairy Tale]. Leningrad: Nauka, Leningr. otd-nie. In Russian.

Propp V. Ya. (1998) *Poetika fol’klora* (Sbornik trudov V. Ya. Proppa) [Poetics of Folklore (A Collection of Works by V. Ya. Propp)]. Comp., preface and comment. A. N. Martynova. Moscow: Labirint. In Russian.

Propp V. Ya. (2000) *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical Roots of the Fairy Tale]. Ed. I. V. Peshkov. Moscow: Labirint. In Russian.

Propp V. Ya. (2007) *Motiv chudesnogo rozhdeniya* [The Motif of Miraculous Birth]. In: *Skazka. Epos. Pesnya* [Fairy Tale. Epic. Song]. Ed. V. F. Shevchenko. Moscow: Labirint. Pp. 65–104. In Russian.

Yagafarova G. N. (2019) *Imena personazhei bashkirskikh bogatyrskikh skazok* [The Names of Characters of Bashkir Heroic Tales]. In: *Bashkirskii fol’klor: issledovaniya i materialy* [Bashkir Folklore: Research and Materials]. Comp., ed. G. R. Khusainova. Ufa: Gilem. Pp. 55–68. In Russian.

Zaripov N. T. (1978) *Geroi bashkirskikh bogatyrskikh skazok, ego vragi i pomoshchniki* [The Hero of Bashkir Heroic Tales, His Enemies and Helpers]. In: *Voprosy bashkirskoi fol’kloristiki* [Issues of Bashkir Folklore Studies]. Ed. by

L. G. Baraga and N. T. Zaripov. Ufa: BFAN USSR. Pp. 3–19. In Russian.

Zaripov N. T. (2008) Bashkirskie bogatyrskie skazki: estetika zhanra [Bashkir Heroic Tales: Aesthetics of the Genre]. Ufa: Gilem. In Russian.

Zinurova R. R. (2011) Motiv chudesnogo rozhdeniya v bashkirskoi bogatyrskoi skazke [The

Motif of Miraculous Birth in the Bashkir Heroic Tale]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta: Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of the Chelyabinsk State University: Philology. Art History]. 2011. No. 11 (226). Iss. 53. Pp. 52–55. In Russian.

© G. R. Khusainova, 2025

ABOUT THE AUTHOR

Gulnur R. Khusainova <https://orcid.org/0000-0002-0290-1844>

E-mail: bashfolk@yandex.ru

Tel.: +7 (347) 272-85-22

DSc in Philology, Chair, Folklore Department, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)